

посредственно его же влияния не избежал и теоретик классицизма Буало. Прямой след этого влияния обнаруживается, в частности, в 5-м послании Буало («О счастье») и в 7-й сатире («На человека»). В послании обрисован чисто эпикурейский идеал счастья как безмятежности души, единственным препятствием к достижению которого являются суетные, неразумные желания самого человека и его страсти. Та же мысль развита и в сатире «На человека». Кроме того, здесь в полной противоположности с декартовской концепцией достоверности рационального сознания человека Буало отдает предпочтение здорovому, никогда не ошибающемуся инстинкту животных перед заблуждениями и ошибками человеческого разума, толкающего человека на путь несчастий и страданий. Отметим, что всестороннему доказательству той же мысли посвящено и сочинение Иеронима Рорария «О том что низменные животные часто обнаруживают более разума, чем человек», изданное в 1648 году одним из друзей Гассенди. Отметим также, что, по свидетельству Ж. Б. Руссо, Буало утверждал, что «философия Декарта убила поэзию» («avait coupé la gorge à la poesie»).⁴⁵

VIII

В рамках настоящей статьи нет возможности остановиться подробно на художественной теории искусства классицизма, в частности на ее стихотворном кодексе — «Поэтическом искусстве» Буало. Отметим только одно: если подойти к этому кодексу без предвзятого представления о его картезианской идеалистической основе и сопоставить его с некоторыми историческими фактами, то можно обнаружить, что эстетические принципы Буало ни в какой мере не противоречат гносеологическим и этическим принципам метафизического материализма. Говоря (и действительно очень часто) о разуме, Буало ни в какой мере не противопоставляет его чувству и «опыту», а призывает поэтов придерживаться в своих писаниях здравого смысла и точности выражения. Этому вопросу посвящена в основном «Песня первая», в которой речь идет вовсе не о «метафизике прекрасного», а о стилистических нормах, к которым восходят в русской поэзии многие стилистические принципы карамзинизма. Буало предупреждает против опасности рассудочного, холодного изображения чувств и страстей, которое всегда оставляет зрителя и читателя равнодушным («Песня вторая»). Во всех случаях, говоря о разуме, Буало имеет в виду естественный психологический разум и нигде не противопоставляет его чувству.

⁴⁵ Oeuvres de J. B. Rousseau, т. 5. Paris, 1820, стр. 131—132.